

Когда Ли Сяосяо наконец ушёл и перестал без умолку щебетать под ухом, в кухне воцарился привычный покой.

Цяо-ши сидел у плиты, поддерживая огонь. Он долго сдерживал улыбку, а когда Сяо Ци скрылся из виду, с любопытством спросил у Ши-ши:

— Матушка, завтра ведь отец повезёт Сяо Ци в усадьбу к управляющему Ли, чтобы поблагодарить его? Это же... мы ведь давно обо всём договорились, верно? Отчего тогда Сяо Ци так обрадовался?

На самом деле Цяо-ши почти сразу понял, что Ши-ши просто поддразнивает деверя. Не желая мешать их семейной беседе, он помалкивал до последнего.

Ши-ши лишь покачал головой и, продолжая хлопотать у плиты, с мягкой усмешкой ответил:

— Да мы с его отцом ещё ничего толком ему не рассказывали об управляющем Ли. Вечером поговорю с ним, всё подробно растолкую. А Сяо Ци... этот глупыш, верно, решил, что домашний арест отменили и теперь можно вольно гулять, оттого и прыгает от радости.

«Глупенький мой Сяо Ци, — подумал Ши-ши, и он невольно улыбнулся. — Неужто и впрямь решил, будто поездка по делу — это весёлая прогулка?»

Он вздохнул и уже вслух ворчливо продолжил:

— Ишь, чего выдумал! Мечтать не вредно. Ближайшие полгода он у меня и думать забудет о том, чтобы целыми днями пропадать невесть где, как раньше. Без пяти минут замужний гэер, а всё носится сорванцом, точно чумазый беспризорник! Разве можно со спокойной душой отдавать его в семью Цзюнь? Нет уж, пусть сидит дома под присмотром и учится всему, что обязан уметь порядочный гэер.

С тех пор как Сяо Ци упал в обморок, Ши-ши не спал всю ночь, мучаясь думами, и наконец твёрдо решил: сына нужно держать под замком. Больше никаких вольных побегов. Если сейчас не взяться за его воспитание как следует, то через полгода, когда сыграют свадьбу, у него уже не будет возможности на него повлиять. В чужом доме его материнское слово потеряет прежнюю силу.

Да, все эти годы семья Цзюнь души не чаяла в Сяо Ци и относилась к нему с теплотой. Но одно дело — привечать желанного гостя, и совсем другое — принять его в свой дом как полноправного члена семьи. Требования там будут совсем иные. Если Сяо Ци и после замужества останется таким же ветреным и несерьёзным ребёнком, терпение новых родственников быстро иссякнет. Рано или поздно они просто устанут от его выходов.

Как бы ни щемило сердце при мысли о строгости, Ши-ши понимал: ради блага сына придётся

проявить твёрдость.

Сяо Ци полагал, что его наказали в порыве родительского гнева. Ши-ши поразмыслил над этим и решил не разуверять его. Пусть уж лучше обижается на «злую матушку» и сидит смиренно из страха навлечь на себя её немилость. Это куда лучше, чем если он свяжет домашний арест с предстоящим замужеством и затаит детскую обиду на будущую семью своего наречённого.

— Ох... — Цяо-ши не выдержал и тихонько прыснул в кулак. — Представляю, какое несчастное лицо у него будет, если он прознает правду. Последующие полгода мы только и будем видеть его вселенскую скорбь.

В словах матушки сквозила житейская мудрость, смешанная с забавной строгостью. Однако когда Цяо-ши вспомнил, что свадьба Сяо Ци и Цзюнь Далана назначена на начало зимы, на душе у него потеплело, но в то же время шевельнулась тревога. Время летело неумолимо, и до заветного дня оставалось всего полгода. Успеют ли они? Хватит ли сил у матушки Ши-ши, у него самого и у двух его снох, чтобы вчетвером вложить в эту буйную голову хоть каплю приличия?

Ведь Сяо Ци был, пожалуй, самым удивительным и ни на кого не похожим гэером из всех, кого Цяо-ши доводилось встречать в жизни. Нет, парень он был замечательный: добрый, отзывчивый, весёлый. Вот только в нём не имелось ни единой черты, присущей приличному гэеру. Он рос угловатым сорванцом, совершенно не осознавал своей природы, а все традиционные домашние занятия презирал всей душой и избегал при любой возможности. Прежде сколько бы матушка и остальные ни пытались втолковать ему правила приличия, все поучения влетали Сяо Ци в одно ухо, а в другое вылетали. Проходило два дня, и он снова становился чистым листом.

Не будь у Сяо Ци меж бровей алой родимцы, которая с годами разгоралась всё ярче, знаменуя его сущность гэера, любой прохожий безоговорочно принял бы его за обыкновенного деревенского мальчишку!

«Эх...»

Цяо-ши опустил голову и тихонько вздохнул про себя. Ему было искренне жаль деверя. Судьба сыграла с парнем злую шутку: родился он обычным мужчиной, его острый ум и недюжинная сообразительность принесли бы ему великую славу. А теперь все эти таланты рисковали увянуть в четырёх стенах замужней жизни.

Далеко не в каждой семье к мнению гэера прислушиваются так же уважительно, как у них в доме Ли. Когда Сяо Ци переступит порог дома Цзюнь, станут ли новые родственники выслушивать его советы, ценить его идеи и считаться с его решениями?

Пальцы Цяо-ши невольно коснулись изящной деревянной шпильки в его волосах, вырезанной в форме маленькой рыбки. Он снова тихонько вздохнул. Эту шпильку Сяо Ци подарил ему три года назад: сам нарисовал узор, тайком подговорил старшего брата вырезать рыбку из дерева и

торжественно вручил деверю.

Горькие думы о доле замужних гэеров вызывали в сердце Цяо-ши сложное чувство — смесь облегчения и щемящей грусти. Он радовался своей судьбе: семья Ли никогда не притесняла его, а супруг относился к нему с неизменной нежностью и уважением. Но за Сяо Ци сердце обливалось кровью. Сможет ли этот вольный ветер сохранить свою весёлую беззаботность, оказавшись в чужих руках?

«Ладно, пустые тревоги. Чему быть, того не миновать. Мне нужно заботиться о муже, детях и о покое нашего дома».

Да и о всей большой семье Ли не следовало забывать.

— Отец, матушка, я вам сейчас самого лучшего мяса положу! — звонко крикнул Ли Сяосяо, едва успев усесться за обеденный стол.

Паренёк принялся ловко орудовать палочками, перекладывая самые сочные куски из общего блюда в тарелки родителей. Разумеется, выбирал он исключительно нежное куриное мясо.

Курятина на столе в крестьянском доме была редким деликатесом, но сегодня Ли Сяосяо не позволял себе жадничать. Он старательно оделял лакомыми кусочками то родителей, то четырёх маленьких племянников. Впрочем, совесть его была чиста: львиную долю наваристого бульона он уже благополучно выпил с утра, восстанавливая силы. Зато оставшееся нежное мясо для остальных домочадцев стало настоящим праздником вкуса.

— Будет тебе, угомонись, — довольно проворчал старик Ли, хотя в глубине души такое внимание младшего сына ему очень льстило. — Положи лучше Эрбао и остальным. Мы с твоей матерью не калеки какие, сами дотянемся. А Цзюбао и вовсе только годик исполнился, куда ему целый кусок? Дай крохотное волоконец десны почесать, больше он всё равно не сжует!

Старина Ли недовольно сощурился.

«Ишь, подлиза! Думает, я не видел, как он с самого утра вокруг матери на кухне ужом вился? И откуда только прилежание взялось? А к отцу на задний двор даже носа не высунул, хоть я там тоже спины не разгибал!»

— Хватит суетиться, сядь и поешь спокойно, — с лёгким стуком опустил палочки на стол Ши-ши, пытаясь скрыть за строгостью улыбку.

Он легонько шлёпнул Сяо Ци по ладони тыльной стороной палочек. И откуда только взялось это внезапное рвение? Неужели перспектива провести полгода дома пугала его настолько

сильно, что он готов был на любые ухищрения?

Вспомнив, что после замужества гэеры почти безвыездно сидят дома, занимаясь лишь хозяйством, Ши-ши нахмурился. Нет, он не поддастся на уговоры и ласку. Ради будущего счастья сына он обязан проявить твёрдость характера. Пусть эти полгода Сяо Ци проведёт в родных стенах — поумерит свой пыл и освоит наконец домашнее ремесло.

Для гэера Сяо Ци рос слишком шепутным и неусидчивым. Чуть что — и его след простыл. Замужнему супругу подобные вольности чести не сделают.

Поговаривали, что в Деревне Малого Ковша хоть и жили в основном приличные люди, но и там отиралась парочка досужих бездельников с грязными языками. Сяо Ци с его простодушием мог запросто стать жертвой их издёвок или, чего доброго, пострадать от чужих наглых рук, даже не поняв, что его оскорбили.

При одной мысли об этом у Ши-ши перехватило дыхание. Нет, решено! В ближайшие полгода он скорее запрет его в спальне, заставив спать до полудня, чем позволит бесцельно шататься по дорогам.

К тому же Сяо Ци умудрился загореть дочерна. Если он посидит под крышей хотя бы полгода, его кожа наконец обретёт благородный, светлый оттенок.

«Не хватало ещё, чтобы в день свадьбы молодой супруг выглядел темнее своего мужа, благородного Цзюнь Далана!» — мысленно вздохнул он.

<http://bllate.org/book/20616/2131299>